

ГЛАВА 1

Людвиг Бинсвангер

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО – АНАЛИТИЧЕСКАЯ ШКОЛА МЫСЛИ¹

I. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ – ЕГО ПРИРОДА И ЦЕЛИ

Под экзистенциальным анализом мы понимаем антропологический² тип научного исследования, то есть такой тип, который направлен на изучение сущности человеческого бытия. Название и философская основа берут начало в работе Хайдеггера «*Daseins Analytics*». Это его заслуга, хотя еще не полностью признанная, — раскрытие фундаментальной структуры экзистенции и описание ее основных составляющих, то есть структуры бытия-в-мире. Отождествляя основное условие, или структуру экзистенции с бытием-в-мире, Хайдеггер тем самым сообщает нечто относительно условия возможности экзистенции. Формулировка «бытие-в-мире», использованная Хайдеггером, лежит в основании онтологического тезиса, утверждения о важнейшем условии, которое определяет экзистенцию в целом. Открытие и представление этого важнейшего условия дало экзистенциальному анализу решающий стимул, философское основание и разъяснение, а также методологические указания. Однако сам экзистенциальный анализ — это не онтология и не философия, следовательно, его нельзя определять как *философскую антропологию*. Как читатель скоро поймет, единственное подходящее в данной ситуации название — *феноменологическая антропология*.

¹ «Über die daseinsanalytische Forschungsrichtung in der Psychiatrie», *Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie*, Vol. 57, 1946, pp. 209–225. Переиздано в *Ausgewählte Vorträge und Aufsätze*, Vol. I. Berne; Francke, 1947, pp. 190–217.

² Бинсвангер использует это слово не в привычном для Америки значении культурной антропологии — сравнительного исследования наций, нравов и т. д., а, скорее, в более строгом этимологическом смысле, то есть антропология как изучение человека (*anthropos*) и особенно, как он сам далее говорит, как изучение сущностного значения и характеристик человеческого бытия. — *Переводчик*.

Экзистенциальный анализ не предлагает онтологического тезиса о фундаментальном условии, определяющем существование, но заявляет о существующем, то есть сообщает фактические данные, касающиеся реально обнаруживающихся форм и конфигураций экзистенции. В этом смысле экзистенциальный анализ — это эмпирическая наука, имеющая собственный метод и идеал точности, а именно, метод и идеал точности феноменологических эмпирических наук.

Сегодня мы должны признать тот факт, что существуют два типа эмпирического научного знания. Первый — это дискурсивное индуктивное знание в смысле описания, объяснения и контроля естественных событий, а второй — это феноменологическое эмпирическое знание в смысле методического, критического использования или объяснения феноменологического содержания. Это старая полемика между Гете и Ньютоном, которая сейчас, уже совсем не волнует нас, превратилась благодаря нашему глубокому проникновению в природу переживания из «или-или» в «а также». То же самое феноменологическое эмпирическое знание используется независимо от того, имеем ли мы дело с литературным содержанием поэмы или драмы, с содержанием ответов в тесте Роршаха или с содержанием психотической формы экзистенции. В феноменологическом опыте дискурсивный разбор естественных объектов на характеристики или качества и их индуктивная переработка в типы, понятия, умозаключения, выводы и теории заменяется выражением содержания того, что дано чисто феноменально и, следовательно, в любом случае не является частью «природы как таковой». Но феноменальное содержание может найти свое выражение и, будучи выраженным, раскрыться только в том случае, если мы проводим исследование с помощью феноменологического метода, в противном случае мы получим не научно обоснованный и проверенный результат, а просто случайное мимолетное впечатление.

За последние несколько десятилетий концепция феноменологии несколько изменилась. Сегодня мы можем провести строгое различие между чистой, или эйдетической, феноменологией Гуссерля как трансцендентальной дисциплиной и феноменологическим пониманием форм человеческой экзистенции как эмпирической дисциплиной. Но понимание последней невозможно без знания первой.

Здесь нам необходимо воздержаться от того, что Флобер назвал *la rage de vouloir conclure*, то есть преодолеть страстное желание делать заключения, формировать мнения или высказывать оценки — нелегкая задача, учитывая нашу одностороннюю естественнонаучную интеллектуальную подготовку. Вместо размышлений о чем-то мы долж-

ны разрешить этому чему-то высказаться самому, или, опять цитируя Флобера, «выразить вещь как она есть». Однако это «как она есть» содержит одну фундаментальную онтологическую и феноменологическую проблему. Мы, будучи конечными существами, можем получать информацию о как вещи только в соответствии с *миропроектом*, который управляет нашим пониманием вещей. Следовательно, я снова должен вернуться к тезису Хайдеггера об экзистенции как «бытии-в-мире».

Онтологический тезис, что фундаментальное устройство или структура экзистенции является бытием-в-мире — не философское суждение а, скорее, олицетворение строго последовательного развития и расширения фундаментальных философских теорий, а именно, теории Канта о принципах возможности опыта (в естественнонаучном смысле) с одной стороны, и теории трансцендентальной феноменологии Гуссерля — с другой. Я не буду разбирать в деталях этой связи. Я хочу подчеркнуть здесь только тождество бытия-в-мире и трансценденции, так как через эту идентификацию мы можем понять, что означает «бытие-в-мире» и «мир» в их антропологическом смысле. В немецком языке трансценденция или трансцендирование выражается словом *Ueberstieg* (лезть наверх, перелезть через что-то, лазать по горам). *Ueberstieg* подразумевает существование, во-первых, того, к чему оно направлено, а во-вторых, того, что *ueberstiegen*, или трансцендировано. Первое, то есть то, к чему трансценденция направлена, мы называем «миром», а второе, то, что трансцендируется — самим сущим (*das Seiende selbst*), особенно то, в форме чего «существует» сама человеческая экзистенция. Другими словами, не только «мир» конституирует себя в акте трансценденции, но и само «я».

Почему мне приходится освещать здесь такие, казалось бы, сложные и запутанные вопросы? Только потому, что роковой дефект всей психологии, дефект теории разделения мира на субъект и объект, был преодолен через понятие бытия-в-мире как трансценденции и, таким образом, был расчищен путь для антропологии. В силу этого разделения человеческая экзистенция была полностью сведена к субъекту, к оторванному от мира субъекту, который совершал всевозможные действия, функционировал, обладал самыми разнообразными чертами и при этом никто не мог внятно объяснить (несмотря на все теоретические построения), как он вообще может встречаться с «объектом», как он может общаться и находить взаимопонимание с другими субъектами. В противоположность этому, бытие-в-мире всегда подразумевает существование в мире вместе с такими же, как я существами, то

есть сосуществование. Хайдеггер в его концепции бытия-в-мире как трансценденции не только вернулся к моменту, предшествовавшему субъект-объектной дихотомии знания, не только уничтожил разрыв между миром и «я», но он также показал структуру субъективности как трансценденцию. Таким образом, он открыл новый горизонт понимания, дал новый импульс научному исследованию человеческого существования и его особых модусов бытия. Вместо расщепления бытия на субъект (человека, личность) и объект (вещь, окружающую среду) теперь у нас есть единство существования и «мира», обеспечиваемое трансценденцией³.

Трансценденция подразумевает гораздо большее и нечто более особенное, чем знание, даже большее, чем «интенциональность» в понимании Гуссерля, поскольку «мир» стал доступен для нас, прежде всего, благодаря нашему «тону», настрою (*Stimmung*). Если мы на минуту вспомним определение бытия-в-мире как трансценденции и рассмотрим с этой позиции наш психиатрический анализ экзистенции, то поймем, что, исследуя структуру бытия-в-мире, мы также можем заниматься изучением психозов; более того, осознаем, что должны понимать психозы как особые модусы трансценденции. В таком контексте мы не говорим: психические заболевания — болезнь мозга (хотя, конечно, с медицинской точки зрения это так), но мы говорим: в случае психических заболеваний мы сталкиваемся с модификациями фундаментальных, или сущностных, структур и структурных связей бытия-в-мире как трансценденции. Одна из задач психиатрии заключается в исследовании и установлении этих отличий точным научным способом.

³ Где мы говорим о «мире» в терминах экзистенциального анализа, там «мир» всегда означает то, к чему стремится существование и в соответствии с чем оно конструирует себя. Другими словами, образ и форма, в которых сущее (*Seiende*), становится доступным для существования. Однако мы используем слово «мир» не только в трансцендентном, но и в «объективном» смысле, например, когда говорим о «длительном сопротивлении мира», об «искушениях мира», «уходе из мира» и т. д., тем самым, имея в виду в первую очередь мир наших соплеменников. Сходным образом мы говорим об окружающей среде человека и о его собственном мире как о конкретных зонах того, что существует в объективном мире, а не как о трансцендентных структурах мира. Терминологически это сложное место, но оно больше не подлежит каким-либо изменениям. Следовательно, там, где значение не самоочевидно, мы всегда будем писать «мир» в кавычках или использовать термин «миропроект».

Как можно заметить из нашего анализа, пространственные и временные характеристики существования играют в экзистенциальном анализе важную роль. Я здесь ограничусь более фундаментальной проблемой времени. Особую значимость этой проблеме придает тот факт, что трансценденция уходит своими корнями в саму природу времени, в его раскрытие через будущее, свершившееся (*Gewesenheit*) и настоящее. Это поможет объяснить, почему в нашем антропологическом анализе психотических форм человеческого бытия мы не можем удовлетвориться исследованием, пока не достигнем хоть какого-то понимания соответствующих отклонений в структуре времени нашего пациента...

В тех формах бытия-в-мире, которые обычно называют психотическими, мы обнаружили два типа модификаций «мироустройства». Один из них характеризуется скачками (упорядоченная скачка идей) и метаниями (неупорядоченная скачка идей), а другой — сокращением и одновременным сужением существования вместе с его обращением в трясину и прах («обмирщение», падение в мир [*Verweltlichung*])⁴. Последнее мы можем также описать следующим образом: свобода позволения «миру» быть заменяется несвободой подчиненности некоему «миропроекту». Например, в случае Эллен Вест свобода формирования «возвышенного» мира была замещена возрастающей несвободой погружения в ограниченный мир могилы и трясины. При этом «мир» обозначает не только мироустройство, но и сформированное на его основе *как бытия-в-мире* и отношение к миру. Так, трансформация эфирного мира в мир-могилу может быть также установлена в смене существования в виде торжественно парящей птицы существованием в форме ползучего слепого червя.

Все это подводит нас только к внешним вратам фундаментальной онтологии Хайдеггера, или к «*Daseins Analytics*», непосредственно к порогу антропологического, или экзистенциального анализа, порожденного первым и базирующимся на нем. Но я спешу описать метод экзистенциального анализа и область его научного применения. В этой связи я должен отметить, что моя позитивная критика теории Хайдеггера позволила мне расширить ее: бытие-в-мире как бытие существования ради *себя* (обозначенное Хайдеггером как «забота») было соотносено с бытием-за-пределами-мира как бытием существования ради *нас* (обозначенным мною как «любовь»). Это изменение системы Хайдеггера следует учитывать особенно при анализе психотических форм экзистенции, где мы часто наблюдаем модификации трансценденции скорее в смыс-

⁴ См.: Л. Бинсвангер, «Случай Эллен Вест».

ле «выброса»⁵ любви, чем «сверхподъема» заботы. Позвольте лишь напомнить чрезвычайно сложную форму сокращения экзистенциальной структуры, которую мы, обобщая, называем «аутизмом».

II. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ СУЩЕСТВОВАНИЕМ И СУЩЕСТВОВАНИЕМ ЖИВОТНОГО

«МИР» В ЕГО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ И «МИР ВОКРУГ» (UMWELT) В ЕГО БИОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ

Хотя наше описание было довольно общим, а наши высказывания неполными, я надеюсь, что удалось показать, почему в нашем анализе понятие «мир» — в смысле мироустройства или «миропроекта» («мунданизация» Гуссерля [*Mundanisierung*]) — представляет одно из основных и наиболее важных понятий и даже используется как методологический ключ. Что миропроекта всегда предоставляет информацию о как бытия-в-мире и как бытия собой. Чтобы прояснить природу миропроекта, я сопоставлю его с некоторыми миро-представлениями биологической природы. Первым приходит на ум биологическое миро-понимание фон Икскюля, особенно потому, что оно, несмотря на отличия, обладает определенным сходством с точки зрения методологического применения. С него я и начну. Фон Икскюль выделяет воспринимаемый мир (*Merkwelt*), внутренний мир (*Innenwelt*) и мир действий животного, объединяя воспринимаемый мир и мир действий под общим названием «внешний мир» (*Umwelt*, или «мир-вокруг»). «Круговое взаимодействие» между этими мирами он обозначил как *функциональный круг*. Как мы говорили, что невозможно описать психозы человека, не охватив полностью его «мир», так и фон Икскюль утверждает: «Невозможно описать биологию животного, пока мы полностью не охватим его функциональный круг»⁶. Мы продолжили: «Следовательно, мы считаем полностью подтвержденным наше предположение, что существует столько же миров, сколько психотиков» и в этом тоже совпали с фон Икскюлем, который сказал: «Таким образом, мы утвердились в том, что существует столько внешних

⁵ Это буквальный перевод термина *Uberschwung*. Бинсвангер имеет в виду тип трансценденции, который сопутствует любви, он противопоставляет его трансценденции, исходящей из «заботы» (одно из понятий Хайдеггера). Его мысль заключается в том, что люди, страдающие психотическими расстройствами, отличаются как раз этим. — Редакторы.

⁶ *Theoretische Biologie*, II Aufl., 1928, S. 100.

миров, сколько существует животных»⁷. Он оказывается очень близок к нашей точке зрения, когда говорит: «Чтобы понять каждое действие человека, мы должны встать рядом на той же самой “сцене”»⁸.

Понятие внешнего мира фон Иксюля слишком узкое, чтобы применить его к человеку, потому что он понимает под этим просто «остров ощущений», то есть сенсорное восприятие, которое «обволакивает человека, словно одежда». Поэтому нас не удивляет, что в своем блестящем описании внешних миров своих друзей он постоянно нарушает границы этого узкого понятия и постоянно показывает, как эти друзья действительно присутствуют «в мире» как *человеческие существа*.

Мы также согласны с утверждением фон Иксюля о том, что: «Именно психическая инертность принимает существование единственно объективного мира (мы, психиатры, наивно называем его реальностью), как можно ближе подгоняя его под наш собственный внешний мир и расширяя во всех направлениях во времени и в пространстве»⁹.

Однако фон Иксюль не замечает того факта, что у человека, в противоположность животному, есть и собственный мир, и объективный, общий для всех. Это было известно уже Гераклиту, который говорил, что в состоянии бодрствования у нас есть общий мир, но во время сна, как и в страсти, эмоциональных состояниях, чувственном вожделении и в опьянении, каждый из нас отворачивается от общего мира и поворачивается к своему собственному. Мы, психиатры, уделяем слишком много внимания отклонениям пациентов от жизни в том мире, который является общим для всех нас, вместо того, чтобы сосредоточиться, прежде всего, на собственном или частном мире пациентов, что первым на систематической основе стал делать Фрейд.

⁷ Там же, p. 144.

⁸ *Nie geschaute Welten. Die Umwelten meiner Freunde*, p. 20.

⁹ См.: *Umwelt und Innwelt der Tiere*, 2, Aufl., 1921, p. 4: «Только при поверхностном наблюдении кажется, будто все морские животные жили в однородном мире, общем для всех них. Более близкое изучение показывает нам, что каждая из тысяч форм жизни обладает своим особым окружающим миром, который обусловлен «строительным планом» животного и, в свою очередь, сам обуславливает его». Также, см. *Theoretische Biologie*, p. 232: «Сейчас мы знаем, что существует не одно пространство и не одно время, но столько пространств и времен, сколько есть субъектов, так как каждый субъект живет в своем собственном окружающем мире, который обладает собственным пространством и временем. Каждый из этих тысяч миров предлагает сенсорному восприятию новую потенциальность для их раскрытия».

Однако есть один фактор, который не только отличает наше экзистенциальное аналитическое понимание мира от биологической концепции фон Икскюля, но даже делает его диаметрально противоположным. Верно, что в теории фон Икскюля животное и его внешний мир образуют подлинную структуру в рамках функционального круга и что они взаимодополняют друг друга. Однако фон Икскюль все еще рассматривает животное как субъект, а его окружающий мир — как отделенный от него объект. Единство животного и внешнего мира, субъекта и объекта, согласно фон Икскюлю, обеспечивается соответствующими «программами» (программой действий, а также программой восприятия) животного, которые, в свою очередь, являются частью «всеохватывающей, огромной плановой системы». Теперь становится ясно, что для перехода от теории фон Икскюля к экзистенциальному анализу надо совершить кантиано-коперниковский переворот; вместо того чтобы начинать с природы и ее плановой системы и действовать в русле естественной науки, необходимо начать с трансцендентальной субъективности и переходить к существованию как трансценденции. Фон Икскюль складывает и то, и другое в одну корзину, поскольку исходит из следующих соображений (очень выразительных самих по себе):

«Возьмем в качестве примера дуб и зададимся вопросом, какого рода внешним объектом будет дуб во внешнем мире совы, которая живет в дупле этого дуба; во внешнем мире певчей птицы, которая гнездится на его ветвях; лисы, у которой есть нора в его корнях; дятла, который выискивает насекомых в его коре; во внешнем мире самих насекомых; муравья, который бежит по его стволу и т. д. И, наконец, мы спросим себя, какова роль дуба во внешнем мире охотника, молодой романтической девушки и банального торговца деревом. Дуб, будучи закрытой плановой системой, включен в новые планы многочисленных внешних арен, исследование которых является реальной задачей науки о природе».

Фон Икскюль — ученый-натуралист, а не философ. Поэтому не стоит вменять ему в вину, что он, как большинство ученых-натуралистов, не придает значения важнейшему отличию человека от животного. Как раз здесь это различие становится почти осязаемым. Во-первых, животное привязано к своему «проекту». Оно не может выйти за его пределы, тогда как человеческое существование не только обладает

многочисленными возможностями разных модусов бытия, но и укоренено в разносторонней потенциальности бытия. Человеческое существование позволяет быть охотником, романтиком, бизнесменом, то есть оно свободно в самосозидании в соответствии с различными потенциальностями бытия. Другими словами, существование может «трансцендировать» бытие — в данном случае бытие, которое называется «дуб», — или делать его достижимым для себя с помощью самых разнообразных миропроектов.

Во-вторых, мы помним, теперь полностью сойдя с биологической позиции, что трансценденция подразумевает не только миропроект, но в то же время и само-проект, потенциальные модусы бытия для себя. Человеческое существование — это совершенно особое бытие для себя, в соответствии с тем, проектирует ли оно свой мир как охотник, оно является охотником, или как молодая девушка, и тогда это романтическое я, или как торговец деревом, и тогда это прозаично-меркантильное я. Все это — различные формы бытия в мире и потенциальных модусов «я», среди которых модус истинной потенциальности бытия собой и модус потенциальности бытия в качестве *мы* в смысле любви¹⁰.

У животного, не способного быть *я—ты—мы* (оно даже не может сказать этого), нет никакого мира. Ибо «я» и «мир» — это взаимозависимые понятия. Когда мы говорим о внешнем мире (*Umwelt*), который *имеется* у инфузории-туфельки, земляного червя, моллюска, лошади и даже человека, то значение этого *имеется* существенно отличается от того, что мы подразумеваем, когда говорим, что у человека *есть* мир. В первом случае *имеется* означает установление «проекта» (особенно структуры восприятия-и-действия), ограниченного природой вполне определенными возможностями стимуляции и реагирования. Животное имеет внешний мир благодаря природе, а не свободе выходить за рамки ситуации¹¹. Это означает, что оно не может ни конструировать

¹⁰ Следовательно, в структуре существования как бытия-в-мире мы различаем: (а) способы создания и построения мира, то есть способы миропроекта и образов мира; (в) способы его существования как «я», то есть самоутверждение или не утверждение; (с) способы трансценденции как таковой, то есть способы, которыми существование есть в мире (например, действие, мышление, творческий акт, желание). Таким образом, проведение экзистенциального анализа в области психиатрии означает исследование и описание того, как различные формы психических болезней и каждая для самой себя конструируют мир, утверждают свое «я» и — в широком смысле — действуют и любят.

¹¹ То есть трансцендировать. Объяснение этого термина см.: Мэй Р. Истоки экзистенциального направления в психологии и его значение.

мир, ни открывать его, ни независимо решать, как действовать в той или иной ситуации. Оно есть и было раз и навсегда детерминировано ситуационным кольцом¹². С другой стороны, по отношению к человеку обладать «миром» означает, что человек, хотя он сам не закладывал основы своего бытия, а был заброшен в него, как и животное, обладает внешним миром, но у него есть возможность трансцендировать свое бытие, а именно: подняться над ним в заботе и выйти за его пределы в любви.

К нашей точке зрения ближе теории фон Иксюля стоит концепция «гештальт-круга» как автономного биологического акта, предложенная фон Вайцзеккером.

«Поскольку живое существо посредством движения и восприятия интегрируется во внешний мир, постольку эти движения и восприятие формируют целостную единицу — биологический акт»¹³.

Как и фон Иксюль, фон Вайцзеккер гордится тем, что «сознательно ввел субъекта как предмет биологического исследования и добился его признания в этом качестве»¹⁴. То, что генерирует связь между субъектом и объектом, теперь называется не функциональным кругом, а гештальт-кругом. Согласно фон Вайцзеккеру, фундаментальное условие — это субъективность (что указывает на более глубокий подход, чем ссылка на субъекта). Фон Вайцзеккер отказывается от «дуализма психического и физического»; он убежден, что его можно заметить «полярным единством субъекта и объекта». «Но, — очень верно замечает фон Вайцзеккер, — субъект — это не жестко привязанная собственность; кто-то постоянно вступает в права владения, чтобы распоряжаться им». В частности, отмечается, что в ситуации кризиса человек сталкивается с угрозой потери самого себя, а затем получает возможность снова обрести себя благодаря своей силе и гибкости. «Одновременно со смещением субъекта происходит и смена объекта, и хотя единство мира остается под вопросом, каждый субъект собирает, по крайней мере, свой внешний мир (*Umwelt*), объекты которого он связывает вместе в маленький универсум союза-монады».

¹² Эту мысль уже подчеркивал Herder в своем очерке «On the Origin of Language»: у каждого животного есть свой круг, которому он принадлежит от рождения до самой смерти, то есть в течение всей жизни. (*Ausgew. Werke* Reclam, III, S. 621.).

¹³ «Der Gestaltkreis», *Theorie der Einheit vom Wahrnehmen und Bewegen*, 1940, p. 177.

¹⁴ Цитаты в этом отрывке приведены из работ фон Вайцзеккера. — Редакторы.

Все эти теории вызывают не только большой интерес в сфере психологии и психопатологии, но, помимо этого, они ставят в центр внимания тот факт, что только понятие бытия-в-мире как трансценденции является подлинно логичным и глубоким; в то же время они демонстрируют, что это понятие может быть применено только к *человеческому* существованию.

Наконец, я бы хотел напомнить читателю концепцию Гольдштейна, которая оказалась очень полезной для понимания органических нарушений головного мозга. Даже когда он употребляет понятие «внешняя среда» вместо «мира», мы все равно имеем дело с подлинно биологической концепцией мира. Как мы знаем, одно из его основных положений заключается в том, что «поврежденный организм... может функционировать только в условиях такого ограничения своего окружения, которое соответствует его дефекту»¹⁵. В другом месте он говорит об «утрате свободы» и о «затягивании пояса на окружающем мире», которые имеют место в случае нарушения. Имеется в виду, что пациенты с органическими нарушениями теряют способность ориентироваться и управляться в мире «идей», в то время как они прекрасно могут делать это в мире действий и практики. Говоря вслед за Хедом о «нарушениях символического выражения» или вместе с Гельбом о «нарушениях категориального поведения», Гольдштейн в обоих случаях говорит только о модификации бытия-в-мире как трансценденции.

В этой главе я попытался показать, что в русле биологического подхода организм и мир пытаются рассматривать в единстве, символом которого является круг. Преобладает идея о том, что все взаимосвязано, что в рамках круга изменение части не обходится без изменения целого и что изолированных фактов больше не существует. Это, однако, влечет за собой изменение самого понятия *факта* и методов изучения фактов. Вывод заключений путем индукции через простое накопление данных больше не является целью исследования; теперь цель исследования — проникновение в природу и содержание целостного феномена. Гольдштейн прекрасно это осознает, когда говорит: «В формировании биологического знания единичные связи, интегрированные в целое, нельзя оценивать просто количественно, будто бы знание будет тем точнее, чем больше связей мы установим. Скорее, все единичные факты имеют большую или меньшую качественную ценность». Он продолжает: «Если в биологии мы видим науку, имеющую дело с феноменом, который может быть установлен одними аналитическими естественнонаучными методами, то мы должны отказаться

¹⁵ *Der Aufbau des Organismus*, 1934, p. 32.

от попыток постичь организм как целое, а вместе с этим и от любого проникновения в жизненные процессы»¹⁶.

Это уже довольно близко подводит нас к феноменологическому взгляду на жизнь в самом широком смысле, взгляду, который направлен на постижение жизненного содержания феноменов, а не их фактического значения в рамках четко очерченной объектной сферы.

III. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ШКОЛА МЫСЛИ В ПСИХИАТРИИ

По сравнению с биологическим исследованием, которое рассматривает или объясняет жизненное значение феномена, экзистенциально-аналитическое исследование имеет двойное преимущество. Во-первых, оно не обязано иметь дело с таким неясным понятием, как жизнь, оно работает с такой широко и хорошо проработанной *структурой экзистенции*, как бытие-в-мире и за-пределами-мира. Во-вторых, оно может позволить экзистенции самой говорить за себя. Другими словами, феномены, которые должны быть проинтерпретированы, — это в основном языковые феномены. Мы знаем, что содержание экзистенции нигде нельзя увидеть более ясно или более точно, чем в языке; именно в языке устраивается и оформляется наш миропроjekt, следовательно, именно там он может быть обнаружен и передан другим людям.

Что касается первого преимущества, то знание структуры или базового проекта экзистенции дает нам системный ключ для практического экзистенциально-аналитического исследования. Сейчас мы знаем, на что надо обращать внимание при изучении психоза и что делать дальше. Мы знаем, что должны установить определенный тип пространственных и временных характеристик, освещения и цвета; текстуру или материал и род перемещения того миропроекта, к которому направлена данная форма экзистенции или его индивидуальная конфигурация. Такой методологический ключ можно получить только обращением к структуре бытия-в-мире, потому что эта структура предоставляет нам понимание нормы и, таким образом, позволяет определять отклонения от этой нормы в манере точных наук. К нашему удивлению, обнаружилось, что в психозах, которые были очень хорошо изучены, такие отклонения нельзя понимать исключительно с негативной точки зрения, то есть как ненормальность. Они, напротив, представляют новую норму, новую *форму бытия-в-мире*. Например,

¹⁶ Там же, р. 255.

если мы можем говорить о маниакальной форме жизни, или, скорее, экзистенции, то это означает, что мы можем установить норму, которая охватывает и управляет всеми модусами выражения и поведения, обозначенного нами как мания. Именно эту норму мы называем «миром» человека, страдающего манией. Это верно и для гораздо более сложных миропроектов пациентов, страдающих шизофренией. Исследовать и установить миры этих пациентов означает, как и в других случаях, исследовать и установить, каким образом люди и предметы оказываются открыты для этих форм экзистенции. Нам хорошо известно, что это становится возможным только через определенный миропроjekt.

Что касается второго преимущества, — возможности исследования языковых феноменов, — сущность речи и высказываний в том, что они выражают и передают *определенное смысловое содержание*. Это смысловое содержание, как мы знаем, бесконечно разнообразно. Все зависит от точного критерия, с помощью которого мы исследуем языковые манифестации наших пациентов. Мы не концентрируемся, как психоаналитики, на историческом содержании, на рассказах о реальной или гипотетической модели внутренней жизне-истории. Мы не ищем в содержании возможные факты, имеющие отношение к жизненным функциям, как это делают психопатологи, фокусируясь на нарушениях функций речи или мышления. В экзистенциальном анализе наше внимание привлекает содержимое языковых выражений и манифестаций в той мере, в какой они указывают на миропроjekt или модели, которые лежат или лежали в основании жизни говорящего, одним словом, на его миро-содержание (world-content). Под миро-содержанием мы подразумеваем факты, имеющие отношение к мирам; то есть указания на то, как данная форма или конфигурация экзистенции познает устройство мира, осваивает мир и пребывает или существует в данном мире. Более того, миро-содержание указывает на способы, которыми экзистенция выходит *за-пределы-мира*.

Обстоятельства в «Случае Эллен Вест», моем первом исследовании, предлагаемом в качестве примера применения экзистенциального анализа в психиатрии, были особенно благоприятны для проведения анализа. В этом случае я имел в своем распоряжении необычное изобилие спонтанных и прямо постижимых вербальных манифестаций, таких, как самоописания, записи сновидений, дневник, стихотворения, письма, автобиографические заметки, рисунки, тогда как в случаях прогрессирующей шизофрении мы обычно вынуждены получать материал для экзистенциального анализа путем настойчивого и систематического исследования наших пациентов в течение многих

месяцев и лет. Прежде всего, мы должны убедиться, что наше понимание того, что действительно означают вербальные выражения наших пациентов, верно. Только после этого мы можем перейти к нашей научной задаче — выявить отличительные особенности «миров», в которых пребывают пациенты, или, другими словами, понять, как частные связи экзистенциальной структуры раскрываются через целостную структуру, и как целостная структура, в свою очередь, формируется из частных связей, без каких-либо нестыковок и противоречий. В этом подходе, как и любом другом научном исследовании, могут иметь место ошибки, тупики, незрелые интерпретации; но, как и другие методы, он располагает способами и средствами исправления этих ошибок. Одно из самых впечатляющих достижений экзистенциального анализа убеждает, что даже в сфере субъективности нет ничего случайного, что определенно организованная структура может быть познана через слово, мысль, рисунок, действие или жест, в которых она отражается. Это то, чем мы постоянно пользуемся в экзистенциально-аналитических интерпретациях данных, полученных с помощью теста Роршаха или теста словесных ассоциаций. В спонтанных манифестациях пациента, в систематическом исследовании его реакций, полученных в тесте Роршаха и результатов метода словесных ассоциаций, его рисунков и сновидений перед нами возникает тот же самый миропроjekt. Только после сбора и сопоставления этих миров мы можем постичь конфигурацию экзистенции нашего пациента. Только тогда мы можем попытаться понять единичные, частные связи этих конфигураций мира и экзистенции (клинически оцениваемых как симптомы), исходя из целостного бытия-в-мире пациента.

Связи, раскрываемые в жизне-истории, тоже играют важную роль, но не такую, как в психоанализе. Для психоанализа они — цель исследования, в экзистенциальном анализе они просто предоставляют материал для дальнейшего изучения.

Следующие примеры проиллюстрируют тот тип миропроjektов, с которыми мы имеем дело в случае психопатологии. Общее же число подобных девиаций бесконечно. Мы все еще находимся в самом начале их описания и изучения.

В качестве первой клинической иллюстрации я выбрал случай молодой девушки, которая в возрасте пяти лет пережила неожиданный приступ тревоги и слабости. Это случилось, когда она каталась на коньках и каблук, примерзнув к металлическому основанию, оторвался от ботинка¹⁷. С тех пор девушка, которой сейчас 21 год, испытывает

¹⁷ «Analyse einer hysterischen Phobie», *Jahrbuch Bleuler und Freud*, III.

приступы непреодолимой тревоги, если кто-нибудь наступает ей на пятки или просто упоминает о каблуках. В таких ситуациях, если ей не удастся вовремя уйти, она чувствует слабость и головокружение.

Психоанализ ясно и убедительно доказал, что за страхом потери каблука были скрыты фантазии рождения — фантазия ее собственного рождения и последующего отделения от матери, а также фантазия рождения ее ребенка. В разнообразных нарушениях связности, единства, которые психоанализ определил как пугающие для девушки, самым страшным и основным было отделение матери и ребенка. (Я полностью пропускаю, учитывая контекст, маскулинную составляющую.) До Фрейда мы бы сказали, что инцидент на катке, сам по себе безобидный, стал причиной возникновения «фобии оторванных каблучков». Фрейд же продемонстрировал, что патогенное воздействие оказывают фантазии, связанные с этим случаем и предшествующие ему. И до, и после Фрейда могло быть приведено и другое объяснение: учитывая тот факт, что специфическое событие или фантазия имели такие далеко идущие последствия для этого человека, причина заключается в его «конституции» или «предрасположенности». Каждый из нас пережил «травму рождения», но лишь у некоторых при потере каблука развивается истерическая фобия.

Я, конечно, не намерен раскрывать здесь (а тем более решать) проблему «предрасположенности» во всех ее аспектах, но могу сказать, что мы можем пролить на нее некоторый свет, если рассмотрим ее с «антропологической»¹⁸ точки зрения. В последующих работах мы смогли показать, что можем проникнуть за эти фантазии настолько глубоко, насколько сможем раскрыть и исследовать миропроjekt, который сделал возможным возникновение этих фантазий и фобий.

Ключом к миропроjektу нашей пациентки служит категория *связности* (continuity), неразрывной связи и удержания. Фокусирование на ней приводит к чрезмерному ограничению, упрощению и истощению «миро-содержания». Все, что делает мир значимым, подчиняется той *единственной* категории, которая в одиночку поддерживает ее «мир» и бытие. Это и является причиной сильнейшей тревоги, связанной с нарушением целостности, любым расхождением, разрывом или сепарацией, страха оказаться отделенной или разлученной. Вот почему отделение от матери, переживаемое всеми как самое глубинное, архетипичное отделение, сопровождающее человеческую жизнь,

¹⁸ См. стр. 1, где описывается понимание Бинсвангером этого термина, как он используется в феноменологическом и экзистенциальном анализе. — *Переводчик.*

стало таким всеохватывающим и подавляющим, что любая ситуация отделения рассматривается как символическое отделение от матери, вызывает и запускает эти фантазии и видения.

Следовательно, нам не нужно объяснять возникновение фобии слишком сильной «доэдиповой» связью с матерью, скорее, следует понять, что такая сильная дочерняя привязанность возможна только в том случае, когда миропроект основывается исключительно на связанности, сцепленности, неразрывности. Такой способ переживания «мира», непременно подразумевающий существование подобного настроения¹⁹, не обязательно является «сознательным». Но мы не должны называть его и «бессознательным» в психоаналитическом понимании, так как он находится вне этих противоположностей. Он не относится к чему-либо психологическому, он имеет отношение к тому, что только делает возможным психический факт. Здесь мы сталкиваемся с тем, что на самом деле является «ненормальным» в контексте этой экзистенции, но мы не должны забывать, что там, где миропроект сужен и ограничен до такой степени, там и «я» ограничено, там оно встречает препятствия на пути своего созревания. Предполагается, что все остается таким, каким было прежде. Если же случится что-то необычное, непредвиденное и неразрывность будет нарушена, то это приведет к трагедии, вызовет панику и приступ тревоги. Ибо мир начнет рушиться, и не останется ничего, что могло бы его поддержать. Внутренняя, или экзистенциальная, зрелость и подлинная временная ориентация на будущее замещаются преобладанием прошлого, того, что уже было. Здесь мир должен остановиться, ничто не должно происходить, ничто не должно изменяться. Все должно оставаться таким, как есть. Именно в силу подобной временной ориентации элемент *непредвиденности* принимает такое огромное значение, ибо непредвиденность — это свойство времени, которое нарушает непрерывность, взламывает ее и раскалывает на части, выбивает прежнее существование из колеи и ставит его лицом к лицу с *ужасностью*²⁰, с всепоглощающим страхом. В психопатологии в самом простом и общем виде мы называем это приступом тревоги.

Ни потеря каблука, ни внутриутробные фантазии, ни фантазии рождения не объясняют возникновения фобии. Скорее, они стали настолько значимыми в силу того, что связь с матерью означает для

¹⁹ Или настроенности (Gestimmtheit). — *Переводчик.*

²⁰ Образованное от прилагательного существительное «ужасность» означает абстрактную quintэссенцию всего ужасного, представляет в сжатой форме все ужасы. — *Редакторы.*

существования ребенка связь с миром, что вполне естественно для маленьких детей. Случай на катке приобрел травмирующее значение из-за того, что мир внезапно повернулся другой стороной, открылся с неожиданной, совершенно иной, непредсказуемой стороны. Для этого не было места в детском мире, это не могло войти в ее миропроект и всегда оставалось за его пределами, это не подчинялось ей. Другим словами, этот аспект мира, вместо того, чтобы стать частью ее внутренней жизни, так, чтобы его значение и содержание оказались интегрированы, проявлялся, оставаясь совершенно незначимым для этой экзистенции, снова и снова в виде повторяющихся вторжений *непредвиденности* в неподвижность времени, свойственную ее миру. Этот миропроект не заявлял о себе до травматического события, он проявился только *в связи* с этим случаем. Как априорные или трансцендентальные формы²¹ человеческого рассудка способствуют получению именно того опыта, который мы получаем, так и форма этого миропроекта прежде должна была создать условия для того, чтобы случай, произошедший на катке, был пережит как травматический.

Следует сказать, что этот случай не уникален. Известно, что тревога может быть связана с разными типами нарушения целостности, например, она может возникнуть при виде висящей на нитке, готовой оторваться пуговицы или прерывании струйки слюны. С какими бы событиями жизне-истории ни была связана эта тревога, мы всегда имеем дело с одним и тем же опустошением бытия-в-мире, его сокращением до одной-единственной категории целостности, связанности. В этом специфическом миропроекте с его специфическим бытием-в-мире и специфическим «я» с экзистенциальной точки зрения мы видим ключ к пониманию происходящего. Мы не останавливаемся, подобно биологу и невропатологу, на единственном факте, единичном нарушении, симптоме, мы продолжаем искать то целое, внутри которого данный факт может быть понят как частный феномен. Но это целое не является ни функционально целым «гештальт-крутом», ни целым в смысле некоей совокупности. На самом деле оно вовсе не объективное целое, но целое в смысле единства миропроекта.

Очевидно, что мы не сможем продвинуться в нашем понимании тревоги, если будем рассматривать ее только как симптом психопатологии. Коротко говоря, мы никогда не должны отделять «тревогу» от «мира», и мы должны учитывать, что тревога возникает только тогда, когда мир становится шатким, ненадежным или когда он сталкивается с угрозой исчезновения. Чем более пустым, упрощенным и огра-

²¹ Бинсвангер здесь использует выражения Канта. — Редакторы.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.